

И на что намъ они, эти пріятные поэты, эти маленькіе талантики? Что въ нихъ? Было время, и они были полезны и нужны! Но теперь, когда Пушкинъ и Лермонтовъ показали намъ образцы высокой поэзіи; когда менѣе сильные таланты разработали ея поле, подали примѣръ всѣхъ формъ, даже всѣхъ уклоненій и странностей поэзіи,—теперь, что дѣлать мелкимъ талантамъ? Вздумаешь ли талантикъ писать басни,—кто же его станетъ читать послѣ Крылова, и въ состояніи ли онъ быть для своего времени тѣмъ, чѣмъ для своего были Хемницеръ и Дмитріевъ? Вздумаешь ли онъ, напримѣръ, попробовать свои силы въ классическо-французской трагедіи,—ему непременно нужно для своего времени стать хоть тѣмъ, чѣмъ для своего былъ Озеровъ. Рѣшиться на борьбу съ Батюшковымъ еще менѣе возможно для него. Пуститься развѣ въ романтизмъ?—но тогда надо крѣпко помнить, что вѣдь у насъ есть Жуковский. Стало быть, нѣтъ надежды и на возобновленіе старины. Возможность комедій въ стихахъ убита Грибѣдовымъ. Пѣть буйныя плотскія потѣхи?—но это уже сдѣлалъ Языковъ. Пуститься въ дикую оригинальность—мѣшаетъ Бенедиктовъ. Итакъ, ни стараго возобновить, ни новаго изобрѣсти: что же дѣлать?.. Всего лучше ничего не дѣлать.

Но мы заговорили и забыли о «Метеорѣ»; возвратимся къ нему. Онъ украшенъ стихами графини Растопчиной, Майкова, Бенедиктова, Мейснера, Познанскаго, Шевцова, Степанова, Якубовича, Филимонова, Дурова, Протопопова, Пальма, Бернета, Доводчикова, Огородникова, Григорьева, Гребенки, Гербаковского, Соколовскаго... Сколько именъ! Мы теперь столько же богаты поэтами, сколько бѣдны поэзіей. Особенно яркаго, рѣзко выдающагося изъ-подъ уровня обыкновенности въ «Метеорѣ» нѣтъ ничего...

Стихотворенія Петра Штавера. Спб. 1845.

Петръ Штаверъ—извините нашу нескромность—долженъ быть молодой, даже очень молодой человѣкъ—можетъ быть, не старше пятнадцати лѣтъ... Въ этомъ увѣрились мы чрезъ впечатлѣніе, которое произвело на насъ чтеніе его стихотвореній. Намъ даже очень хочется, чтобъ автору было никакъ не больше пятнадцати лѣтъ, потому что въ такомъ случаѣ мы имѣли бы удовольствіе признать въ его стихотвореніяхъ нѣчто въ родѣ таланта, чувства, и если не мысли, то стремленіе къ мысли,—а это не шуточное дѣло! Но что жъ тутъ до лѣтъ, какая нужда въ метрикѣ автора, когда его стихотворенія

сами за себя говорятъ?.. Метрика иногда много значить не въ однихъ вопросахъ о званіи и наслѣдствѣ, но и въ вопросахъ искусства и науки. Если двадцатилѣтній малый, наметавшійся въ лавкѣ, ловко и скоро сводить счеты, складываетъ и вычитываетъ, множить и дѣлить, принимаетъ и сдаетъ,—тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, нѣтъ рѣчи ни о гениі, ни о талантѣ: тутъ только способность, развитая навыкомъ и рутинной. Но когда семилѣтній ребенокъ, который имѣетъ полное право не знать счета дальше десяти, но который, несмотря на то, по пальцамъ и простымъ соображеніемъ умѣетъ расчесть сумму, наприм., во сто рублей серебромъ, складывая, вычитая, множа и дѣля, тогда, если вы и не увидите въ немъ гениа математики, то все-таки подивитесь въ немъ необыкновенной природной способности. Выйдетъ ли со временемъ изъ этого мальчика замѣчательный математикъ, или ничего изъ него не выйдетъ,—это другой вопросъ. Фактъ доказанный, что иногда изъ дѣтей, ничего необщающихъ, выходятъ гениальные люди, а изъ гениальныхъ дѣтей—дожизненные люди; но мы не будемъ распространяться объ этомъ, чтобъ не уклониться отъ главнаго предмета нашей рѣчи. Извѣстно, что, имѣя болѣе или менѣе вѣрный слухъ, черезъ ученіе и упражненіе, можно сдѣлаться не только способнымъ музыкантомъ, но даже и сочинять кой-какія фантазійки: обыкновенно до этого доходятъ уже въ лѣта возмужалости, при охотѣ къ музыкѣ, при знакомствѣ со множествомъ музыкальных произведеній. Но это еще не значить быть ни музыкантомъ-артистомъ, ни композиторомъ-художникомъ. Когда же семилѣтнее или еще болѣе малолѣтнее дитя обнаруживаетъ способность запомнить и вѣрно пропѣть всякую музыкальную пьесу, какую удастся ему услышать, въ этомъ дитяти, конечно, еще нельзя навѣрное увидѣть будущаго Моцарта или будущаго Листа, но по крайней мѣрѣ на его счетъ простительно ошибиться въ такихъ неумѣренныхъ надеждахъ. То же можно сказать о значеніи метрики въ отношеніи къ поэзіи. Умѣнье писать стихи—конечно, еще не талантъ, но все же способность; этой способностью владѣетъ многое-множество дѣтей, и она-то заставляетъ многихъ изъ нихъ видѣть въ себѣ талантъ поэтический. И вотъ, когда такой, владѣющій способностью стихотворства, человѣкъ поначитается разныхъ поэтовъ, пообразуется, понаучится, то въ извѣстныхъ лѣта ему ничего не стоитъ перекладывать въ гладкіе и звучные стихи чужія чувства, чужія мысли, да еще такъ ловко, что ни самъ онъ, ни другіе не подоврѣваютъ въ немъ вороны въ павлиньихъ перьяхъ. Въ наше время чувство и мысли—